

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ИНСТИТУТОВ ЦЕРКВИ

УДК 94(470+479.25):281.93

doi 10.17072/2219-3111-2021-4-69-79

Ссылка для цитирования: *Блохин В. С.* Вероисповедные переходы армян в православие в Российской империи (середина XIX – начало XX века): мотивы, типология, результаты // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 69–79.

ВЕРОИСПОВЕДНЫЕ ПЕРЕХОДЫ АРМЯН В ПРАВОСЛАВИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА): МОТИВЫ, ТИПОЛОГИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В. С. Блохин

Уральский государственный университет путей сообщения, 620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66
Екатеринбургская духовная семинария, 620026, Россия, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 57

vladiblok@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9906-3727

ResearcherID: 275766

В статье проанализированы обстоятельства переходов лиц армянского вероисповедания в православие, происходивших в основном на территории Закавказья в середине XIX – начале XX в. Объектом исторического анализа выступили документы (материалы делопроизводственной переписки и метрические книги) на русском языке из фондов Национального архива Республики Армения, которые вводятся в научный оборот впервые. Изучение мотивов и обстоятельств выявленных переходов позволило разделить их на три группы. Преобладающими по численности являлись переходы в православие, имевшие место среди армян, проживавших в селах Эриванской губернии; они происходили исключительно в пореформенный период, а их решающим мотивом служило желание армян добиться улучшения имущественного положения путем получения дополнительных земельных наделов. Ко второй группе относятся переходы, вызванные различными жизненными обстоятельствами неэкономического характера: воспитанием армянина в духе православия, желанием расторгнуть брак с супругом армянского вероисповедания, надеждой на смягчение уголовного наказания. Факты принятия армянами православия, сопровождавшиеся элементами явного принуждения как со стороны гражданских властей, так и со стороны православного духовенства, были включены в третью группу. Учитывая разнообразие выявленных причин и обстоятельств, мы пришли к выводу о том, что вероисповедные переходы целесообразно интерпретировать как сложное явление религиозного и социально-экономического характера, способствующее более глубокому пониманию не только истории связей между Русской православной и Армянской апостольской церквями, но и русско-армянских отношений периода XIX – начала XX в. в целом.

Ключевые слова: Армянская апостольская церковь, Восточная Армения, вероисповедные переходы, политика России в Закавказье, Русская православная церковь, русско-армянские отношения.

Введение

В контексте научного осмысления русско-армянских отношений история взаимодействия Русской православной церкви (РПЦ)¹ с Армянской апостольской церковью (ААЦ) представляет одну из малоизученных, но весьма интересных сфер. Несмотря на отсутствие канонического общения, обе церкви связаны принадлежностью единой восточно-христианской традиции, а также общими историческими и географическими судьбами.

Первые епархии ААЦ появились на территории России в XVIII – начале XIX в. Однако окончательное формирование русско-армянских церковных связей произошло после вхождения Восточной Армении в состав Российского государства (1828 г.), когда армянские общины

получили заметный импульс к распространению в российских землях, а на территории Восточной Армении впервые появились русские православные храмы, которые юрисдикционно входили в состав Грузинского экзархата РПЦ – церковного округа на территории Закавказья с центром в Тифлисе, существовавшего в период с 1811 по 1917 гг.

Исторически соседями армян выступали разные народы (греки, персы, турки, русские, грузины, езиды и др.), являвшиеся носителями православия или ислама. Однако на протяжении веков армяне в основном сохраняли верность ААЦ, служившей символом поддержания их национальной идентичности². Вместе с тем в середине XIX – начале XX в. известны случаи, когда армяне, проживавшие в Российской империи, переходили из армянской веры в православие. Отсюда можно сформулировать проблему исследования: какие мотивы и обстоятельства могли подвигнуть на такой судьбоносный шаг тех людей, для которых понятия «армянский народ» и «Армянская апостольская церковь» фактически нераздельны?

В отечественной исторической литературе феномен обозначенных переходов изучен частично в работах А. Х. Айтяна [Айтян, 1989], В. С. Дякина [Дякин, 1995, 1996] и современного армянского исследователя А. Айрапетяна [Айрапетян, 2016]. Процессы и результаты переходов армян в православие, вызванных исключительно экономическими факторами, представлены в статье И. В. Долженко [Долженко, 2003]. Между тем, как будет показано в данной статье, содержание мотивов и обстоятельств, побуждавших армян к переходам в православие, отличалось разнообразием и не исчерпывалось стремлением получить лишь материальные (главным образом земельные и налоговые) льготы.

Цель статьи – проанализировать феномен переходов армян в православие в Российской империи с учетом разнообразия мотивов и обстоятельств, повлиявших на принятие армянами решения о перемене вероисповедания.

Источниковой базой послужили неопубликованные документы на русском языке из фондов 47, 56, 94, 130, 269, 966, 1262 Национального архива Республики Армения, основную часть которых составили материалы официальной переписки; в ряде случаев были использованы данные метрических книг. Справедливо заметить, что в изученных нами метрических книгах мотивы переходов в православие зафиксированы довольно кратко и формально («вследствие решительного желания», «вследствие перехода родителей»), в то время как сведения, имеющиеся в официальных делопроизводственных материалах, позволяют критически подойти к изучению сущности причин и обстоятельств, приведших к данным переходам.

Методологической основой исследования выступает цивилизационный подход, в рамках которого Российская империя и территория Восточной Армении рассматриваются в качестве частей восточно-христианской цивилизации, судьбы которых оказались тесно связаны между собой. Осмысление русско-армянских отношений в Российской империи с точки зрения этноконфессионального взаимодействия представляется важным для оценки современного уровня межнационального и межрелигиозного сотрудничества между Россией и Арменией. Из конкретнo-исторических использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы. Первый из них позволил определить всю совокупность мотивов (причин), побудивших армян к принятию православия; с помощью второго метода были выявлены однородные группы мотивов и обстоятельств, послуживших основой для типологии вероисповедных переходов.

Новизна статьи заключается в уточнении комплекса мотивов, повлиявших на принятие армянами решения о присоединении к православию, в попытке выявления типов вероисповедных переходов, обусловленных разными группами обстоятельств, в использовании материалов архивных документов, ранее исследователями не изучавшихся. Полученные выводы дают основание для интерпретации вероисповедных переходов как самостоятельного явления в истории русско-армянских конфессиональных связей, обусловленного спецификой социально-экономической жизни армян в Российской империи, а также особенностями проведения национальной и религиозной политики империи в Закавказье.

Переходы армян в православие, совершенные под влиянием экономических факторов

Переходы данной группы зафиксированы среди армян – сельских жителей Эриванской губернии, образованной в 1849 г. из территорий, входивших ранее в состав Армянской области. Особенности таких переходов заключались в том, что причиной перемены вероисповедания

выступали исключительно экономические интересы, а сами переходы происходили в пореформенный период (в конце 1880–1910-х гг.).

Достаточно подробно в документах освещены события, связанные с принятием православия 116 армянами из 24 семей, проживавшими в селе Кульп Сурмалинского уезда. Чин присоединения к православию совершил благочинный эриванского Покровского собора протоиерей Григорий Гамбаров в июне 1889 г. (Отношение Эриванского губернатора главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, 25 апреля 1891 г. // НАА. Ф. 1262. Оп. 3. Д. 2. Л. 17). Дело об армянах-кульпинцах, принявших православие, включает материалы, позволяющие сделать ряд выводов не только об особенностях конфессиональной жизни, но и воссоздать черты имущественного положения жителей села, выявить специфику социальных процессов, происходивших в целом в сельских местностях Эриванской губернии в изучаемый период.

Само село Кульп было большим и относительно зажиточным. По более поздним данным эриванского губернатора А. А. Фрезе за 1894 г., в самом селе насчитывалось более 3 тысяч душ обоего пола (Там же. Л. 157). Проживало в нем только армянское население. В селе Кульп, населенном исключительно армянами, было особенно сильно влияние армянского духовенства, в особенности в сфере образования.

Поводом для принятия православия кульпинскими армянами выступало их желание получить дополнительные участки земли для ведения собственного хозяйства. Православные кульпинцы заявили о необходимости отвода им усадебных мест для постройки жилищ, 238 десятин пахотной и 500 десятин пастбищной земли, а также выдачи из казны пособия для постройки домов на новых усадебных местах по 120 рублей на каждый дым, т.е. двор (Там же. Л. 17–17 об.).

После перехода в православие армяне-кульпинцы начали испытывать притеснения и угрозы со стороны односельчан, о чем сообщал 31 июля 1889 г. протоиерей Г. Гамбаров в рапорте на имя экзарха Грузии архиепископа Палладия (Раева). К рапорту была представлена копия просьбы на имя эриванского губернатора М. Я. Шаликова о выделении принявшим православие армянам особого участка земли, который бы находился за пределами села Кульп, так как дальнейшее их проживание среди «фанатиков-армян» грозило им дальнейшими преследованиями. В свою очередь, губернатор изъявил желание оказать поддержку армянским семьям, принявшим православие (Отношения Эриванского губернатора главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, 25 апреля 1891 г. и 18 февраля 1893 г. // НАА. Ф. 1262. Оп. 3. Д. 2. Л. 19–19 об., 95 об.).

В 1891 г. группа священников под руководством протоиерея Г. Гамбарова посетила село Кульп «для составления подымной именной ведомости о присоединенных... в 1889 г. к православию армянах» (Рапорт протоиерея Гамбарова и священников Эриванской бригады архиепископу Палладию, экзарху Грузии // НАА. Ф. 1262. Оп. 3. Д. 2. Л. 27). В рапорте, составленном по результатам поездки в Кульп, священники отметили, что еще до принятия частью армянских семей православия в селе произошло мощное социальное расслоение. Часть зажиточных армян захватила в свои руки большую часть пахотной земли, не оставив практически ничего своим обедневшим односельчанам. Тогда последние, будучи «уверены в превосходстве православной веры над армянской и в том, что по ходатайству православного духовного начальства губернское гражданское начальство войдет в безвыходное положение их... они решились перейти из армянства в православие» (Там же. Л. 27 об.). Однако после перемены вероисповедания их материальное положение никак не улучшилось.

Бедственное положение православных армян-кульпинцев усугубилось тем, как отмечали священники в рапорте, что ранее они работали как в самом селе Кульп, так и на местном соляном промысле. «По принятии же православия односельцы их, армяне, стали презирать их и стараться всеми мерами вредить им, не давая им никаких работ... Если они отправляются в другие места для заработков, то старшина-армянин или вовсе не даст им проходного билета, или же берет с них по 3–4 руб.» (Там же. Л. 28 об.). Следовательно, принятие православия послужило для кульпинских армян поводом для их дискриминации со стороны своих же односельчан.

Содержание рапорта вскрывает еще одну крайне интересную деталь. Священники упоминали о случаях мошенничества сельских жителей в сделках с землей. У жителей села Кульп

насчитывалось более 10 тысяч десятин пахотной земли. Между тем по официальным документам значилось лишь 1,743 тысяч десятин, следовательно, 8,257 тысяч десятин были скрыты от казенного учета (Там же. Л. 29 об.). Данный факт подтверждался священниками на примере одного из участков земли, находившегося в пяти верстах от села.

В заключении рапорта протоиерей Г. Гамбаров вновь поставил вопрос о том, чтобы отделить православных армян-кульпинцев от односельчан, поселив их на отдельном участке земли, где в будущем планировалось построить православный храм и церковно-приходскую школу (Там же. Л. 30 об.–31).

Итак, материалы документов о принятии православия армянами села Кульп свидетельствуют о ряде явлений социально-экономического характера, с которыми столкнулись представители местного сельского общества:

- резкое имущественное расслоение сельчан на довольно зажиточных и крайне бедных (малоземельных);
- стремление со стороны малоимущих жителей улучшить свое земельное положение;
- отторжение из сельского общества армян, принявших православие, со стороны односельчан, оставшихся в армянском вероисповедании.

Известно, что впоследствии для православных армян в селе Кульп все-таки были устроены православный молитвенный дом и церковно-приходская школа, размещенные в казенном здании, принадлежавшем кульпинскому соляному промыслу (Рапорт Сурмалинского уездного начальника Эриванскому губернатору, 17 мая 1906 г. // НАА. Ф. 94. Оп. 3. Д. 403. Л. 13).

В дальнейшем факты принятия православия армянами имели место и в других селах Эриванской губернии.

Так, в 1890 г. 17 жителей армянского вероисповедания, проживавшие в селе Новурузлу Эриванского уезда, приняли «с искренним желанием» православную веру, «воодушевленные ее истинами» и усмотрев в ней «справедливое превосходство» (Прошение православных жителей села Новурузлу Эриванского уезда приставу 3-го участка Эриванского уезда, 16 августа 1890 г. // НАА. Ф. 269. Оп. 2. Д. 1682. Л. 19). Вслед за этим, ссылаясь на начавшиеся притеснения от своих односельчан, принявшие православие армяне написали коллективное прошение приставу Эриванского уезда о содействии в деле отвода им казенной земли площадью 200 десятин, на которой можно было образовать отдельный поселок с православным приходом (Прошение православных жителей села Новурузлу Эриванского уезда приставу 3-го участка Эриванского уезда, 16 августа 1890 г. // НАА. Ф. 269. Оп. 2. Д. 1682. Л. 19–19 об.). К сожалению, документы, по которым можно было бы выяснить об удовлетворении данной просьбы или отказе в ней, в деле отсутствуют.

В 1895 г. православие приняли 25 семей армян из села Малый Караклис Александропольского уезда (Отношение департамента государственных земельных имуществ уполномоченному министру земледелия и государственных имуществ на Кавказе, 22 января 1898 г. // НАА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145. Л. 17). В письме эриванского губернатора В. Ф. Тизенгаузена от 4 ноября 1896 г. на имя исполняющего должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе имеются уточняющие сведения о случившейся ситуации: желание принять православие возникло у многих жителей села, однако данное обстоятельство «вызвало сильное противодействие со стороны армянского духовенства» (Отношение Эриванского губернатора главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, 4 ноября 1896 г. // НАА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145. Л. 24). Члены 25 семей, принявших православие, подверглись преследованиям и оскорблениям со стороны армян-односельчан, так что «новообращенные не могли найти защиты ни у суда, ни у администрации...» (Там же. Л. 24 об.).

Таким образом, здесь наблюдалась ситуация, сходная с делом православных армян-кульпинцев: принявшие православие армяне села Малый Караклис просили отвода для них отдельного участка земли, на котором они могли бы поселиться, чтобы впредь не испытывать притеснений и неудобств со стороны односельчан (Отношение обер-прокурора Святейшего Синода министру государственных имуществ А. С. Ермолову // НАА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145. Л. 19 об.–20).

Губернатор В. Ф. Тизенгаузен занял сторону православных армян, признав, что единственным средством к прекращению нарушения прав православных армян является выделение

им земли, на которой они могли бы образовать отдельный поселок (Отношение Эриванского губернатора главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, 4 ноября 1896 г. // НАА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145. Л. 24 об.–25), что и было выполнено: православным армянам выделялись 254 десятины пахотной и сенокосной земли, а также отдельное пастбище, находившееся поблизости к поселку (Отношение обер-прокурора Святейшего Синода министру государственных имуществ А. С. Ермолову // НАА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145. Л. 21 об.). Однако впоследствии площадь земельного участка была сокращена до 195 десятин из-за того, что часть армян впоследствии вернулась в лоно ААЦ (Отзыв уполномоченного министра земледелия и государственных имуществ на Кавказе в Департамент государственных земельных имуществ, 8 января 1898 г. // НАА. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145. Л. 29–29 об., 41).

В 1896 г. православную веру приняли несколько армянских семей села Халжалу Сурмалинского уезда. Из доклада армянского архимандрита Амаяка (Аршаруни), отправленного в село для выяснения ситуации, следовало, что «причиной перехода тех армян в православие послужил поземельный спор их с односельцами» (НАА. Ф. 56. Оп. 14. Д. 179. Л. 3).

Следующая серия вероисповедных переходов произошла в селе Верхний Каранлух Новобаязетского уезда в 1901 г.: несколько человек (точное количество не указано), «побуждаемые весьма щедрыми корыстными обещаниями русского священника гор. Новобаязета отца Иоанна Карибова в роде освобождения их от отбывания воинской повинности в течение 25 лет, улучшения земельного положения, дарового отпуска леса и проч.», выразили намерение принять православную веру (Отношение Эриванского епархиального начальника Эриванскому губернатору, 15 марта 1901 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 14. Д. 234. Л. 5).

Продолжением аналогичных случаев выступили события в селе Талын Эчмиадзинского уезда, где в феврале 1903 г. из армянской веры в православную перешли 12 семей. Вскоре они «обратились к Эриванскому губернатору с ходатайством о выделении их в особый поселок в пределах дачи того же селения с отводом им отдельного земельного надела ввиду того, что совместное жительство их с армяно-григорианами представляется положительно невозможным вследствие претерпеваемых ими со стороны односельцев армяно-григориан невыносимых притеснений, оскорблений и издевательств над их новой православной верой» (Отношение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе уполномоченному министру земледелия и государственных имуществ на Кавказе, 16 января 1904 г. // НАА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 224. Л. 1). Впоследствии (в 1904 и 1905 гг.) они настойчиво повторяли свою просьбу. Кроме православных армян села Талын, аналогичную просьбу излагали принявшие православие армяне из соседнего села Агавнатун (Отношение начальника Эриванского управления земледелия и государственных имуществ уполномоченному главноуправляющему землеустройством и земледелием на Кавказе, 21 марта 1906 г. // НАА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 224. Л. 16).

27 апреля 1905 г. Департамент государственных земельных имуществ Министерства земледелия уведомлял уполномоченного министра земледелия на Кавказе о том, что министр по соглашению с наместником Кавказским, «изволил утвердить... проект раздела земель между присоединившимися к православию армянами сел. Талын Эчмиадзинского уезда Эриванской губернии и армянами-григорианами того же селения» (Отношение Министерства земледелия и государственных имуществ уполномоченному министру земледелия и государственных имуществ на Кавказе, 27 апреля 1905 г. // НАА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 224. Л. 11), что было осуществлено на практике 10 октября 1905 г.

Данный случай иллюстрирует сравнительно быстрое (в течение двух с небольшим лет с момента принятия православия) и вполне результативное выполнение гражданскими властями требований об отводе земли, исходивших от принявших православие жителей села Талын. Для сравнения: просьба об отводе земли в селе Кульп рассматривалась в разных инстанциях с момента принятия армянами православия до принятия конечного решения около пяти лет, а в селе Малый Караклис – около трех лет.

Для православных армян села Агавнатун выделения земли на тот момент произведено не было (Отношение начальника Эриванского управления земледелия и государственных имуществ уполномоченному главноуправляющему землеустройством и земледелием на Кавказе, 21 марта 1906 г. // НАА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 224. Л. 16).

Согласно данным метрической книги эриванского Покровского собора за 1912 г. следует, что 2 сентября 1912 г. к православию были присоединены 16 человек армянской семьи Хечанянц из села Бабурлы Александропольского уезда. Мотив принятия православия, зафиксированный в метрической книге, один: «вследствие изъявленного... решительного желания». Что касается детей, то они приняли новую веру «вследствие перехода родителей в православие» (Метрическая книга Эриванского Покровского собора за 1912 г. // НАА. Ф. 47. Оп. 5. Д. 11. Л. 1–9). Учитывая, что данная семья принадлежала к группе сельских жителей, можно сделать предположение, что и в данном случае истинный мотив перемены веры был связан с имущественными (земельными) интересами.

Еще один случай принятия православия среди армян-сельчан выявлен в 1912 г. в селе Кешишкенд Шаруро-Даралагезского уезда. Сменив вероисповедание, они ходатайствовали о выделении их из сельского общества и переселении на казенную землю под названием «участок “Абано”» (Отношение уполномоченного главноуправляющего землеустройством и земледелием на Кавказе начальнику Эриванского управления земледелия и государственных имуществ, 11 апреля 1912 г. // НАА. Ф. 269. Оп. 2. Д. 2866. Л. 1). Последняя просьба была передана в Эриванское управление земледелия и государственных имуществ.

Между тем гражданские власти, по всей видимости, приобрели опыт в рассмотрении подобных дел и с недоверием отнеслись к последней просьбе. На примере последнего случая четко видно, что после 1905 г. перемена веры уже перестала быть определяющим обстоятельством при рассмотрении просьб армян, принявших православие, о выделении их из сельского общества и создании для них отдельного поселка на казенных землях. Надзиратель Эриванско-Карского управления государственными имуществами в письме от 1 марта 1913 г. сделал заключение: «Казна не имеет права отдавать тот участок под поселение кого бы то ни было, так как это не свободная казенная земля, а земля, предоставленная в постоянное пользование целому обществу», после чего следовал однозначный отказ в выделении земли (Отношение уполномоченного главноуправляющего землеустройством и земледелием на Кавказе начальнику Эриванского управления земледелия и государственных имуществ, 1 марта 1913 г. // НАА. Ф. 269. Оп. 2. Д. 2866. Л. 3 об.–4).

Исследователь В. С. Дякин констатировал, что освобождение крестьян от крепостного права в Закавказье, состоявшееся в 1864–1873 гг., произошло на более тяжелых условиях для крестьян, чем во внутренних губерниях России: «...получив личную свободу, крестьяне продолжали отбывать денежные и натуральные повинности за землю», при этом наделы крестьян уменьшились, а повинности увеличились [Дякин, 1996, с. 45]. Играл роль и тот факт, что русские крестьяне пользовались земельными наделами, размеры которых превосходили наделы местных крестьян. Изучая вопрос о статусе русских переселенцев в Закавказье, С. А. Цатурян свидетельствует, что лицам, исповедовавшим православие, выделялось по 30 и более десятин земли из расчета на одну семью, а также предоставлялись «налоговые каникулы» в течение 10 лет [Цатурян, 1988, с. 91]. А. Айрапетян утверждает, что принявшие православие армяне получили надел в 1 га на душу, в то время как оставшиеся в армянском вероисповедании имели лишь 0,71 га земли [Айрапетян, 2016, с. 88]. О получении материальных выгод в результате перехода в православие свидетельствуют и исследования И. В. Долженко [Долженко, 2003, с. 80].

Сопоставляя данные источников и исследователей, можно заключить, что в пореформенный период в селах Эриванской губернии сложилась сложная социально-экономическая ситуация, связанная с имущественным расслоением и малоземельем крестьян. В поисках путей, которые могли бы улучшить материальные условия жизни, армянские крестьяне прибегали к религиозному фактору – переходу в православную, т.е. «русскую», веру.

Процесс принятия православия армянскими крестьянами сопровождался сложными обстоятельствами. Трудно утверждать однозначно: имелось или отсутствовало открытое давление на армян со стороны православных священников. На основании содержания документов можно сделать вывод, что изначально священники лишь обещали предоставление земли и улучшение материального положения тем семьям, которые присоединялись к РПЦ. Одни армяне, для которых приобретение обещанных льгот было гораздо важнее церковной принадлежности, переходили в православие свободно, избегая каких-либо дополнительных принуждений; для них

такой переход был не чем иным, как заботой о «хлебе насущном». Другие колебались, желая, с одной стороны, получить землю, а с другой – сохранить верность Армянской церкви; в этом случае факт принятия православия являлся результатом их мучительного выбора и, возможно, не обходился без дополнительных вербальных увещаний со стороны православных священников. Следует заметить, что миссионерская деятельность РПЦ, сопровождаемая чисто вероучительными доводами, в среде армянского населения особого успеха не имела. Из документов вытекает, что именно обещания имущественных льгот выполняли функцию основного механизма для «обращения» или «склонения» армян в православную веру.

По данным Переписи населения 1897 г., всего в Эриванской губернии проживало 954 армянина православного исповедания (Первая Всеобщая перепись населения..., 1905, с. 56). С одной стороны, это незначительная цифра (0,2 % от всего армянского населения губернии), с другой – данное явление было вызвано экономическими проблемами армянского крестьянства, решение которых вынуждено было брать на себя руководство края.

Переходы армян в православие, вызванные жизненными обстоятельствами неэкономического характера

Данную группу составили случаи принятия армянами православия, вызванные различными ситуациями, не имевшими связи с экономическими факторами.

Известно, что 31 марта 1838 г. житель Астрахани армянин Авет Матвеев подал прошение на имя императора Николая I, в котором сообщал о принятии его 13-летним сыном Мартиросом православной веры. Это случилось в результате обучения Мартироса ремеслу у русского человека православного исповедания, имя которого не указано (Прошение Авета Матвеева на имя императора Николая Павловича, 13 мая 1838 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 323. Л. 1 об.). Авет Матвеев просил императора решить данную ситуацию согласно законодательству: могут ли быть допускаемы к крещению в православии несовершеннолетние члены ААЦ без согласия на это их родителей?

В деле имеется уведомление от 11 августа 1838 г., которое было направлено в Эчмиадзинский синод главноуправляющим гражданской частью в Грузии, Кавказской области и Закавказском крае генерал-лейтенантом Е. А. Головиным. Ссылаясь на ст. 77 Устава о предупреждении и пресечении преступлений «исповедующим иную веру и желающим присоединиться к вере православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать к исполнению сего желания, что за сим положительным законом, не включающим никакого ограничения о летах лиц, желающих присоединиться к православному исповеданию, – не настоят, по моему мнению, надобности в особом разрешении для несовершеннолетних...» (Отношение главноуправляющего Грузии, Кавказской области и Закавказского края в Эчмиадзинский армяно-григорианский синод, 11 августа 1838 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 323. Л. 12–12 об.). Иными словами, совершенный Мартиросом переход в православие считался неоспоримым фактом, а согласие его родителей при этом во внимание не принималось.

Материалы следующих дел проливают свет и на другие обстоятельства принятия армянами православия.

16 июня 1850 г. к императору Николаю I обратилась жительница Эривани Палакея (Пелагея) Александрова. Она сообщала, что годом ранее вышла замуж за армянина Маркоса Карапетова (Прошение Палакеи Александровой на имя императора Николая Павловича, 16 июня 1850 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2843. Л. 6). С первых дней семейной жизни Маркос предавался пьянству и разврату, уносил из дома «все, что попадало в его руки» и жестоко обращался с женой, нанося ей «смертельные» побои (Там же. Л. 6–6 об.). Чтобы положить конец издевательствам, Александрова решила расторгнуть брак с Маркосом, приняв по «душевным побуждениям» «православную греко-российскую веру с разрешения... экзарха Грузии» (Там же. Л. 6 об.). В связи с чем Александрова просила «выдать... законное свидетельство о прекращении брачного союза, а также и предоставить свободу Маркосу... с дозволением на новое его вступление в брак с одноверкой» (Там же. Л. 6 об.–7).

Следовательно, хотя Александрова и указывала, что переходила в православие по «душевным побуждениям» (этим выражением просительница хотела показать, что переход в православие для нее искренен и вызван вероучительными соображениями), однако истинным мотивом служила чисто бытовая ситуация – желание развестись с супругом-армянином, устраи-

вавшим домашние побои. Дело в том, что, согласно православным каноническим правилам, смешанные браки допускались только в тех случаях, когда брак был заключен вне Православной церкви (в данном случае речь шла как раз о браке, заключенном в ААЦ) до принятия одним из супругов православия, но при условии, если второй супруг согласен был остаться в таком браке. В противном случае православной стороне (такой стороной после принятия православия становилась Александра, уверенная в том, что Маркос не станет жить с ней после ее выхода из армянского исповедания) допускались развод и заключение нового брака [Ведяев, 2017, с. 206].

Как следует из метрической книги эриванского Покровского собора, к православию присоединились 14 армян, содержавшихся под арестом в тюремном замке Эривани, собственноручно засвидетельствовав о «добровольном намерении» своего шага (Метрическая книга Эриванского Покровского собора за 1885 г. // НАА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 282. Л. 129 об., 130 об.). Присоединение совершил протоиерей Г. Гамбаров 2 и 9 марта 1885 г. (Там же. Л. 129–131, 137, 143).

Комментируя данное событие, есть основания предполагать, что, принимая православие, узники рассчитывали на смягчение наказания. Ст. 166 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (Т. XV СЗРИ 1857 г.) содержала норму, предусматривающую смягчение уголовного наказания в случае, когда «иноверный (нехристианского исповедания) во время следствия или суда примет православную веру». Несмотря на то что арестанты принадлежали к армянскому (т.е. иноверному, но христианскому) исповеданию, тем не менее они, по всей видимости, полагали, что присоединение к православию может послужить основанием для уменьшения срока их заключения.

Переходы армян в православие, сопровождавшиеся явными принудительными мерами

В ряде случаев имело место «обращение» армян в православие, сопровождавшееся явными элементами принудительных действий.

В апреле 1850 г. Эчмиадзинский синод обратился к экзарху Грузии, архиепископу Исидору (Никольскому), констатируя факт использования местным православным священником «противозаконных мер к отчуждению» жителя Нахичевани армянина Калуста Шахбазова от армянской веры (Отношение Эчмиадзинского армяно-григорианского синода архиепископу Исидору, экзарху Грузии, апрель 1850 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2583. Л. 4).

Сам Калуст Шахбазов объяснял обстоятельства дела так: «Состоя на службе в Нахичеванской градской полиции, однажды по просьбе тамошнего русского священника был я послан к нему для написания принадлежащих ему бумаг. При входе моем в комнату его он с обманчивою ласкою поднес мне водку в чашке значительной величины. Выпив поднесенную им водку, я начал писать предложенные им бумаги, а он стал... обещаниями увещевать и убеждать меня подать прошение о принятии православной веры, при том обещал утвердить меня в действительной службе» (Там же. Л. 5). «После этого, – свидетельствовал Калуст, – он предложил мне форму прошения, сказав: подпишись так; я в обезумевшем положении подписал оное, а после, когда опомнился, раскаялся...» (Там же. Л. 5 об.–6). На следующий день Шахбазов пошел к священнику, чтобы забрать у него прошение обратно. Однако священник не вернул прошения, а отправил Шахбазова к экзарху Грузии. Тогда Шахбазов, придя в отчаяние, сам написал экзарху прошение с выражением несогласия переходить в православную веру. Узнав об этом, священник начал предъявлять угрозы. Правда, в чем именно заключались угрозы священника, Шахбазов не сообщал. Свое прошение Шахбазов заканчивал просьбой, адресованной в Нахичеванское армянское духовное правление, о том, чтобы его не отлучали от армяно-григорианского «прародительского вероисповедания» (Там же. Л. 5 об.).

В ответ Эчмиадзинскому синоду от 4 мая 1850 г. канцелярия православного епископа Горийского Никифора (Джорджадзе), викария экзарха Грузии, дипломатично сообщала: Калуст Шахбазов «собственноручным прошением на имя экзарха Грузии просил о присоединении его к Православной Церкви...» и «...никаких принуждений ему ни от кого не было сделано» (Отношение епископа Никифора, викария Грузинского в Эчмиадзинский армяно-григорианский синод, 4 мая 1850 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2583. Л. 8–8 об.).

Следующие события произошли в селе Варташен Нухинского уезда Шемахинской губернии.

20 апреля 1857 г. гражданские власти Нухи докладывали в канцелярию наместника Кавказского А. Ф. Крузенштерна о том, что несколько армянских семей, проживавших в селе Варташен, в том числе семья Силиковых, члены которой издавна придерживались армянской веры, но «с некоторого времени по извету враждующих с ними варташинских жителей... принуждаются к принятию православно-русской веры, а для увещевания главные из фамилий тех армян силою полиции под надзором отправлены в Шемаху» (Письмо на имя директора канцелярии наместника Кавказского А. Ф. Крузенштерна, 20 апреля 1857 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3568. Л. 16).

Докладная записка, направленная наместнику Кавказскому А. И. Барятинскому, жителем Нухи поручиком Арутюнбеком Силиковым 22 апреля 1857 г., проливает дальнейший свет на эти события. В селе Варташен еще в 1820-е гг. часть армян, враждовавшая со своими односельчанами, решила принять православие (Докладная записка поручика А. Силикова на имя наместника Кавказского А. И. Барятинского, 22 апреля 1857 г. // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3568. Л. 4). Однако, по мнению Силикова, ходила молва, что для присоединения варташенских армян к православию в село вместе с духовенством прибыла даже «воинская команда» (Там же. Л. 4–4 об.). Из-за недостаточности точных сведений дело представляется весьма запутанным и не позволяет ответить на вопросы: что стало причиной вражды, из-за которой часть армянских жителей решила перейти из ААЦ в православие? если сведения, приводимые Силиковым, верны, почему для присоединения к православию понадобился даже воинский отряд?

Так или иначе, в обоих случаях просматриваются элементы явных принудительных мер для «обращения» армян в православие. В первом случае Шахбазов свидетельствовал о применении подобных мер православным священником. В деле Силиковых в качестве источника принуждения указаны не только церковные власти (которые «увещали» принять православие), но также силы полиции.

Выводы

Выявленные по документам случаи переходов этнических армян из армянской веры в православие мы разделили на три типа, при этом критерием деления выступил характер мотивов и обстоятельств, побудивших к перемене вероисповедания.

Преобладающее количество случаев переходов в православную веру прослеживается среди армян, проживавших в селах Эриванской губернии, стремившихся к повышению материального благосостояния за счет получения от сельского общества или от казны дополнительных земельных участков и к обособлению от односельчан – приверженцев ААЦ в отдельное поселение. Во-вторых, переходы армян в лоно РПЦ совершались по мотивам, вызванным неэкономическими факторами: например, обучение и воспитание подростка-армянина русским ремесленником православного исповедания; намерение супруги-армянки расторгнуть брак с супругом армянского исповедания; надежда армян-арестантов на смягчение уголовного наказания. К третьей группе мы отнесли переходы, вызванные явными административно-принудительными мерами, исходившими как со стороны гражданских властей, так и представителей православного духовенства; впрочем, такие случаи были единичны.

Как показало исследование, среди разнообразия мотивов, влиявших на принятие армянами решения о переходе в православие, ни один из них не имел связи с религиозными потребностями, личными духовными поисками, желанием разобраться в содержании вероучения. Напротив, факт перехода в православие армяне воспринимали как единственное средство для изменения своего личного или имущественного статуса (за исключением переходов, отнесенных к третьей группе).

Каждый переход осуществлялся усилиями священников РПЦ, которые волей-неволей становились проводниками социально-экономической, национальной и конфессиональной политики Российского правительства в Восточной Армении на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Охотно принимая армян в православие, представители РПЦ надеялись на создание в армянской среде социальной базы, верной интересам империи в Закавказье. Однако, если армяне не получали ожидаемых ими прав или льгот, которые были им обещаны со стороны церковных или гражданских властей, то по истечении определенного времени они возвращались в лоно ААЦ. Не достигнув желаемого результата, армяне не видели смысла в том, чтобы сохранять в дальнейшем принадлежность к православию – религии, не свойственной данной

этнической группе. Более того, на первый план здесь выходил фактор национально-религиозной идентичности: армянин = представитель своей, национальной, Армянской церкви, которая к тому же имела довольно устойчивые позиции в регионе. Количество возвратений в армянскую веру распространилось после принятия нормативных правовых актов о веротерпимости в 1905 г., что лишней раз свидетельствует о поверхностном отношении армян к православному вероучению.

Наконец, справедливо сделать следующий вывод. Совокупность переходов лиц армянского исповедания в православие, происходивших в середине XIX – начале XX в., составляет одно из заметных направлений во взаимоотношениях между РПЦ и ААЦ указанного периода, так как ни до этого (например, в XVIII в.), ни после него (в советский период и современную эпоху) подобных случаев в аналогичных масштабах и под влиянием указанных обстоятельств не происходило.

Став достоянием истории, данные переходы не послужили камнем преткновения для возобновления русско-армянских конфессиональных связей в новейший период: в XX – начале XXI в. именно с Армянской церковью – единственной из неправославных христианских церквей – у РПЦ сложилась система отношений, отличающаяся тесным сотрудничеством и способствующая укреплению дружеских начал между народами России и Армении.

Примечания

¹ Необходимо оговорить, что в XIX в., равно как и на протяжении всего синодального периода, православная церковная организация в России не имела единообразного наименования и называлась Российской Церковью, Российской Православной Церковью, Православной Российской Церковью, Русской Церковью и т.д. Поскольку рассматриваемый в статье феномен вероисповедных переходов имеет значение не только для периода XIX – начала XX в., но и в целом для анализа русско-армянских церковных связей (включая их современное состояние), далее в статье для краткого обозначения Православной церкви в Российской империи используется традиционное сокращение – РПЦ.

² Справедливо заметить, что в XV в. после унии ААЦ с Римским престолом часть армян и армянского духовенства оформилась в Армянскую католическую церковь. Тем не менее большинство армян как ранее, так и в настоящее время являются верующими ААЦ.

Список источников

Национальный архив Армении (НАА). Ф. 47. Оп. 2. Д. 282; Оп. 5. Д. 11; Ф. 56. Оп. 1. Д. 323, 2583, 2843, 3568; Оп. 14. Д. 54, 179, 234; Ф. 94. Оп. 3. Д. 403; Ф. 130. Оп. 1. Д. 145; Ф. 269. Оп. 2. Д. 1682, 2866; Ф. 966. Оп. 1. Д. 224; Ф. 1262. Оп. 3. Д. 2.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXI: Эриванская губерния. СПб., 1905.

Библиографический список

Айрапетян А. Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // *Բնիվեր Հայաստանագիտական Բանաստեղծություններ* = Вестник Арменоведения = Journal of Armenian Studies. 2016. № 2. С. 83–94.

Айтян А.Х. Русские переселенцы Армении (1830–1920 гг.). Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1989. 161 с.

Долженко И.В. Православные приходы Эриванской губернии. Миссионерская деятельность (XIX – начало XX в.) // *Традиции и современность*. 2003. № 2. С. 72–82.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130–142; 1996. № 11–12. С. 39–53.

Цатурян С.А. Армянская церковь и царское самодержавие: дис. ... канд. филос. наук. Ереван, 1988.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.03.2021

RELIGIOUS CONVERSIONS OF THE ARMENIANS TO ORTHODOXY IN THE RUSSIAN EMPIRE (MID-19TH – EARLY 20TH CENTURY): MOTIVES, TYPOLOGY, AND RESULTS

V. S. Blokhin

Ural State University of Railway Transport, Kolmogorov str., 66, 620034, Yekaterinburg, Russia
Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary, R. Luxemburg str., 57, 620026, Yekaterinburg, Russia
vladiblok@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9906-3727
ResearcherID: 275766

An analysis of the religious conversions of persons of Armenian confession to Orthodox allows the author to evaluate them as a special phenomenon in the history of Russian-Armenian church relations, as well as to establish the features of economic, social, national, and confessional policies of the Russian Empire in the Transcaucasus in the 19th – early 20th centuries. The sources are the unpublished documents in Russian from the collections of the National Archives of the Republic of Armenia. Based on the available archival sources, it was established that the cases of the adoption of Orthodoxy by the Armenians were caused by three motives: 1) economic, 2) various situations of a non-economic nature, and 3) coercive measures. Despite the absence of a special “Armenian mission” among the Orthodox priests, the cases of Armenians’ conversion to Orthodoxy, especially those made for economic reasons, were rather actively encouraged by the Russian Orthodox Church. For the Russian government, the Armenians who converted to Orthodoxy were seen as a reliable social base in the Transcaucasus. The relevance of studying the issue is since, in the 20th century, despite the contradictions of the synodal period, the Russian Orthodox Church built relations with the Armenian Apostolic Church based on the principles of friendship, good neighborliness, and mutual assistance. Today, this factor contributes to the strengthening of both church and political relations between Russia and Armenia.

Key words: Armenian Apostolic Church, Eastern Armenia, religious conversions, Russian policy in Transcaucasia, Russian Orthodox Church, Russian-Armenian relations.

References

- Ayrapetyan, A. (2016), “The demographic politics of Russia in Eastern Armenia in the 19th century and early 20th century (on the example of the Alexandropol district)”, *Բանբեր Հայագիտություն = Vestnik Armenovedeniya = Journal of Armenian Studies*, № 2, pp. 83–94.
- Aytyan, A. H. (1989), *Russkie pereselentsy Armenii (1830–1920 gg.)* [Russian immigrants of Armenia (1830–1920)], Izd-vo Yerev. un-ta, Yerevan, Armenia, 161 p.
- Dolzhenko, I. V. (2003), “Pravoslavnye prikhody Yerivanskoj gubernii. Missionerskaya deyatelnost` (XIX – nachalo XX v.)”, *Traditsii i sovremennost*, № 2, pp. 72–82.
- Dyakin, V. S. (1995), “The national question in the internal politics of tsarism (early XX century)”, *Voprosy istorii*, № 9, pp. 130–142.
- Dyakin, V. S. (1996), “The national question in the internal politics of tsarism (early XX century)”, *Voprosy istorii*, № 11–12, pp. 39–53.
- Tsaturyan, S. A. (1988), *Armenianskaya Tserkov' i tsarskoe samodержavie* [Armenian Church and Tsarist Autocracy], PhD dissertation, Yerevan State University, Yerevan, Armenia, 147 p.